

Тайна портнихи Людмилы

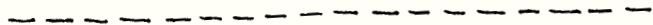
Каждое утро тётя Людмила делала зарядку. Вот и сегодня она, лёжа в кровати, тихонько шевелила пальцами ног. Это было единственное упражнение, которое она признавала. На её могучем животе стояла чашка кофе с молоком. Чтобы макать туда лимонные вафли, конечно. На старенькую ночнушку шлёпались капли, но тётя Люда не обращала на них внимания. Её грызло кое-что другое. Первое сентября. Этот день она ненавидела куда сильнее, чем многие школьники. Тётя Людмила была учительницей. Кройки и шитья. К счастью, пять лет назад удалось сбежать на пенсию.

Она оглядела спальню, набитую всякой всячиной от пола до потолка. В углу стоял портновский манекен. К его голове был привязан маленький зелёный тазик, в котором так хорошо парить ноги. Четыре небоскрёба пожелтевших газет подпирали шкаф. Из-за его дверцы высывались пёстрые платья. По большей части тётя Людмила сшила их сама, но давно не надевала. Ей куда больше нравились удобные штаны на резинке. А ещё допотопный пиджак в клетку, который раньше носил её отец. Из-под кровати торчала ручка

огромного красного чемодана на колёсиках — наследство от тётушки Альмы. Пожилая швейная машинка «Славица» томилась на шкафу. С ней у тёти Людмилы были давние счёты.

Ну а что поделаешь, если портновское дело тебе не подходит? Подолгу сидеть на месте, скрупулёзно выкраивать детали — скучища! Зато тётя Людмила просто обожала нажимать на черную пластмассовую педаль «Славицы». Вечерами, под мерное гудение электрической швейной машинки, она представляла себя автомобилисткой, колющей по дальним странам. Иногда путешественница давила на газ так резко, что платье после этого годилось только на выброс. О своих мечтах она ни разу никому не заикнулась. Кроме разве что господина Бзикача, с которым дружила с начальной школы.

Как обычно по утрам, тётя Людмила взяла с ночного столика словарь иностранных слов. Его подарил директор Кóзел, провожая её на пенсию. Зажмурилась, открыла книгу на случайной странице и ткнула в первое попавшееся слово. В этот лучезарный день им оказалась «конверсация» — от латинского «разговор, беседа». Болтать тёте Людмиле совсем не хотелось. Ни с кем. Не успела она об этом подумать, как из кухни раздался хриплый голос. Проснулась Белла, самка попугая ара. Её тоже подарили, и тоже по случаю выхода

на пенсию. «Хорош подарок», — ворчала бывшая учительница по утрам. Криков, трескотни и попугайства ей хватило и в школе.

Что ж, надо идти в кухню — насыпать Белле свежего зерна и пожарить себе яичницу с колбасой. Вторая тапочка застряла где-то под кроватью и никак не находилась. Пытаясь её отыскать, тётя Людмила вытащила чемодан. Прощлась рукой по его шершавому боку. Погладила яркие наклейки со всего мира. Вот тут её и осенило: «Я сыта по горло домоседством! Отправляюсь в путешествие!»

В чемодан она сложила лишь самое необходимое: несколько розовых блузок, шерстяных свитеров, брюк и фланелевых ночных рубашек, сковородку, кастрюльку и запас вафель, а ещё фонарик и пару книг.

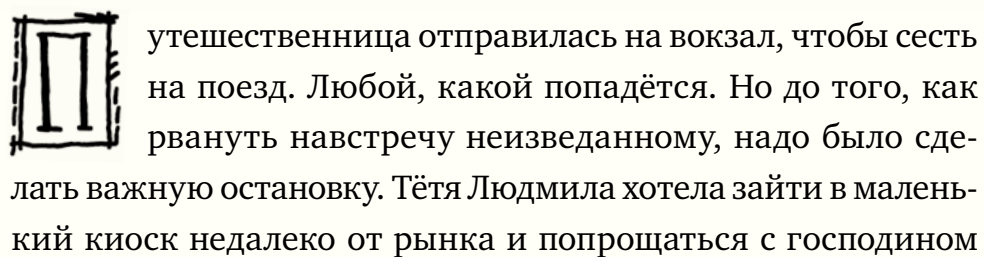
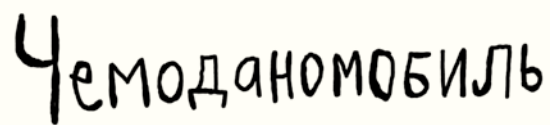
Ключи от дома тётя Людмила отдала руководителю местного духового оркестра. Музыканты уже не первый месяц искали помещение для репетиций. Беллу вместе с клеткой она оставила перед зоомагазином. Пусть найдёт себе людей поразговорчивей и живёт с ними счастливо.

Лёгким шагом тётя Людмила шла вперёд. За ней тащился тяжёлый чемодан. Откуда-то выскочила чёрная кошка и перебежала ей дорогу. Тётя Людмила суеверно погладила педаль, лежавшую в глубоком кармане пиджака. Эту деталь от «Славицы» она взяла с собой на удачу.

Бзикичем. Он тоже мог бы выйти на пенсию, но так прикипел к своему ларьку и городской суете, что дома бы мигом зачах. Его звали Людевит, но тётя Людмила считала это имя чудным. Вообще-то и фамилия казалась ей слегка несурзной, но всё же она предпочитала называть его господином Бзикичем. У неё вошло в привычку заглядывать к нему каждую субботу и покупать газету. Однако увидеть тётю Людмилу в четверг, да ещё и в компании большого чемодана, он никак не ожидал.

Они сели за столик ближайшего кафе так, чтобы не терять киоск из виду. За чашкой кофе тётя Людмила раскрыла приятелю свой план.

У господина Бзича кольнуло сердце: десятки, а то и сотни суббот пройдут без душевных бесед. Но он всё равно пожал руку тётке Людмиле и пожелал ей доброго пути. Она подвинулась на стуле, чтобы встать, и тогда господин Бзич снял свою серую шляпу и надел приятельнице на голову. Его лысина блестела на солнце. Редкие волоски перечёркивали её, как линейки в тетради.

— Где бы ты ни положила свою шляпу, там и будет твой дом, — сказал он и неловко обнял подругу на прощание.

Тёте Людмиле казалось, что за ней кто-то следит. Это ощущение не покидало её с той минуты, когда она заперла дверь и вручила ключ руководителю оркестра. Она не раз оглянулась через плечо, но ничего подозрительного не заметила. По пути к вокзалу путешественница остановилась под липой — перевести дух в тени. Уселась прямо на чемодан

и полезла в карман за носовым платком, чтобы промокнуть вспотевший лоб. При этом она случайно нажала на педаль, про которую успела забыть. И тут произошло нечто поразительное!

Красный чемодан медленно тронулся с места и покатился, набирая скорость. Чтобы не свалиться, тётя Людмила вцепилась в ручку. Чемодан упрямо разгонялся. Тётя Людмила покрепче сжала его бока, как будто скакала верхом, и попробовала рулить. Получилось! Вслед за удивлением её охватила детская радость.

— Наконец-то у меня своя машина! — воскликнула тётя Людмила.

Оказалось, что чемоданомобиль отлично управляется ручкой. Вот только как его остановить? Ну да, точно! Тётя Людмила легонько коснулась педали от «Славицы», и чемодан затормозил.

От избытка эмоций у путешественницы разыгрался львиный аппетит. На окраине города она купила двойную порцию запечённой картошки и устроилась на скамейке. Задрав голову, тётя Людмила следила за пушистым облаком, которое медленно плыло по небу. Мысли лениво растекались во все стороны, и она незаметно задремала. Её разбудил знакомый хриплый голос: «Ситуация на дорогах спокойная. Во второй половине дня возможен лёгкий снег». На спинке скамейки сидела ара Белла и, склонив голову, смотрела на хозяйку. Тётя Людмила хотела глянуть на попугаиху строго-престрого, но её разобрал смех.

— Иди ко мне, девочка, — сказала она, отсмеявшись. — Сколько можно сидеть на кухне взаперти и слушать радио!

С Беллой на плече она оседлала чемоданомобиль и газанула от души, подняв вихрь пыли.

